

Алекс Ключевской
(Лёха)

Граф Рысев -2

Алекс Ключевской (Лёха)

Граф Рысев – 2

«Автор»

2024

Ключевской (Лёха) А.

Граф Рысев – 2 / А. Ключевской (Лёха) — «Автор», 2024

Позади смертельно опасное приключение, впереди Академия. Евгений готов приступить к учебе. Да и его личный враг учится где-то поблизости, и есть шанс встретиться и выяснить уже отношения.

© Ключевской (Лёха) А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алекс Ключевской (Лёха)

Граф Рысев – 2

Глава 1

Я даже не заметил, как за суетой пролетели три дня, которые в итоге дед выделил мне на сборы. Всё это время я менял одежду. Времени на то, чтобы хотя бы перекинуться словом с Соколовыми, у меня не было.

Я даже не разобрался толком с артефактами. Смог разобраться только с принципами работы артефакта невидимости. Тренировался я перед зеркалом. Когда в очередной раз не увидел своего отражения, в комнату заглянул дед. Оглядев спальню с порога, он недовольно проговорил: «Где его демоны носят?», – после чего вышел и закрыл за собой дверь.

Я же, убрав подачу дара к браслету, удовлетворенно кивнул. Вот теперь точно всё получилось. Только вот сразу же выяснилось неприятное последствие. Браслет высасывал дар, как профессиональная шлюха, мой резерв был опустошен почти на треть. И это всего лишь после часа тренировок. А ведь у меня уже третий уровень. Понятно, в общем, этой штуковиной нужно пользоваться аккуратно и очень дозированно. В самых крайних случаях. Иначе, может случиться так, что я впервые испытаю на себе все прелести магического истощения, и, как гласит закон подлости, в самый неподходящий момент.

С остальными артефактами решил пока не экспериментировать. Найду в форте приличного артефактора и тогда уже разберусь без риска для собственного здоровья. Благо финансы позволяют нанять специалиста. Клан Рысевых очень не бедный, и дед меня в содержании не ограничивает.

Собрав все доставшиеся мне от Арсения побрякушки, я сунул их в чемодан, а сверху пошли новоприобретенные вещи. Куда Тихон дел старые – я не интересовался, скорее всего кому-то отдал. Как каждый уважающий себя художник, я носил всё время одно и то же, и многие вещи, судя по их виду, надевались один раз во время примерки. Так что, такие и отдать кому-то из слуг не стыдно.

Собирал я вещи сам, из-за чего с Тихоном едва инфаркт не приключился. Но, я мотивировал это тем, что за три месяца привык сам заботиться о себе. К тому же, когда сам упаковываешь вещи, есть большая вероятность, что забудешь всё-таки меньше, чем мог бы, если бы твоим чемоданом занимался кто-то другой.

Утром четвертого дня, мои сумки, оружие, на чистку которого ушел день, были собраны, и я готов отправляться в путь. Так как я ни черта не помню, и уже вряд ли вспомню, это путешествие должно стать для меня практически новым. Новые впечатления, новые-старые знакомства. Я был в предвкушении. Особенно мне было интересно, чему конкретно учат в Академии изящных искусств. Ну не только же рисовать в конце концов.

Дед не шутил, когда сказал, что до самого портала в Иркутский форт на нулевом уровне изнанки, меня проводят егеря, которых выделили для охраны. А выделил их аж пять человек. Да, сильно дед переволновался за меня. Вот только он почему-то думает, что в форте до меня никто не доберется. Более того, дед практически уверен, что мне там ничего не грозит. И не только он. Как я понял многие своих детей решили отослать в школы пораньше, пока напряженная ситуация не разрешится. Значит, предпосылки к тому, что на нулевых уровнях изнанки безопасно, были железобетонные. Вот и посмотрим, насколько это соответствует истине.

На перроне стояли Соколовы. Маша была бледна, но она сдержано мне улыбнулась. Больше никаких эмоций проявлено не было. Словно она и не переживала за меня, а задержала

лась с выездом – так это потому что сопровождения достойного не было. Я, в общем-то, и не ждал, что она у меня на шее повиснет, но такая холодность была, мягко говоря, не приятна.

– Мария Сергеевна, – я церемонно поклонился.

– Евгений Фёдорович, – она наклонила голову, а потом повернулась к дяде. – Ну вот, теперь увидимся только летом.

– Машенька, если что, присылай нарочного, – Соколов обнял племянницу и подтолкнул её к вагону. – Счастливого пути, Евгений Фёдорович.

– Я довезу Машу до места в целости и сохранности, – приложив руку к сердцу, ответил, после чего, пожав протянутую ладонь, заскочил в вагон.

Дед на перрон со мной не пошёл. Мы расстались с ним в машине, на которой он привёз меня на вокзал. Это правильно, по-моему, нечего топтаться всей толпой на сравнительно небольшом перроне.

Купе, как и оговаривалось ранее, были совмещенные. И пока охрана не заняла свои места, я хотел поговорить с Машей. Поэтому, справедливо рассудив, что она не будет переодеваться, пока поезд не тронулся, открыл дверь купе и зашёл внутрь.

– Дед говорил, что ты переживала за меня, – сразу же сказал я, обращаясь к сидевшей на диване девушке.

– Как и за любого другого, попавшего в подобную ситуацию, – спокойно ответила Маша, глядя на меня снизу-вверх. – Женя, ты сам не спешил меня обрадовать новостью о своём чудесном спасении, поэтому я переживала чуть дольше, чем это было необходимо.

Так, понятно, она просто обиделась на то, что я не прибежал к ней, объявляя о том, что жив и относительно здоров. Тут, толкнув меня, в Машино купе ввалилась Фыра. Ещё одна обиженная мною дама пожаловала. А обиделась она на меня, потому что я вытащил её с любимой кухни, где несчастное обездоленное, голодное животное все баловали и пытались накормить. В итоге кошка округлилась и уже не была похожа на поджарого подростка со скверным характером. И вот из этого рысинного рая я вырвал её безжалостной рукой. Как она стенала, призывая мою совесть в свидетели. Как цеплялась отнюдь не маленькими когтями за пол, когда я тащил её... По-моему, в полу остались глубокие царапины, а весь персонал кухни дружно меня возненавидел. И вот теперь она прошла мимо меня, демонстративно запрыгнула на диван рядом с Машей и опустила ей голову на колени.

– Если бы мне ещё сказали, в чём именно я виноват, то я, возможно, даже извинился бы. – Уже повернулся, чтобы выйти, но тут мой взгляд остановился на этих двух девицах. – Так, сидите вот так и не шевелитесь.

Фыра с Машей переглянулись, и Соколова осторожно погладила рысь по голове между ушей с кисточками. Я же быстро зашёл в своё купе, открыл чемодан и вытащил из него блокнот с карандашами. Прислонившись к косяку, принялся рисовать эту умиротворяющую картину.

– Что ты делаешь? – спросила Маша, в то время, как поезд слегка дернулся и покатился, набирая скорость.

– А на что похоже то, что я делаю? – ход у поезда был плавный, но всё равно рисовать стоя не слишком удобно. Тем более, что за моей спиной столпилась толпа мужиков, которым было явно нечем заняться, и они теперь пытались посмотреть, что я делаю. Наверное, думают, что я Машу обнаженной рисую. Вот как шеи вытягивают, пытаются мне через плечо заглянуть, гусаки хреновы. – Я вам не мешаю? – повернувшись к егерям, я обратился к Петровичу, которого отрядили охранять деток до портала.

– Нет, ну что вы, ваше сиятельство. – У старшего егеря хватило совести покраснеть и отойти вглубь двухкомнатного купе.

Вскоре я к нему присоединился, решив закончить рисунок в более комфортных условиях. Рысь-предательница осталась с Машей. Когда я закрывал дверь, они, кажется, решили слопать пару пирожных.

Этот вагон был так называемого первого класса. В нем было всего два купе, которые позволяли расположиться всему нашему табору. Еда входила в стоимость билетов и доставлялась на тележке красивой девушкой в таком белом фартучке... И девушка, и фартучек были на высоте. Я ей улыбнулся, и, пока девушка ловко сервировала два столика: один для меня, второй попроще для моих людей, я успел набросать её портрет. Конечно, это был не полноценный портрет, но всё равно получилось довольно неплохо.

– Держите, милая барышня. Денег у меня с собой нет, чаевых я вам дать не могу, поэтому пытаюсь расплатиться, как умею, – я протянул ей портрет, а она засмушалась, мило покраснела, и бросила на меня такой взгляд. Я даже пожалел, что со мной столько мужиков едет, которые не спускали с меня глаз.

Ну, ничего, доберусь до изнанки, оторвусь по полной. Я надеюсь. А художником быть, как оказалось, очень даже неплохо. Девчонки строят глазки, даже, если ты им прямо говоришь, что у тебя нет денег.

– Спасибо, – девушка очень аккуратно свернула лист и сунула его в карман фартучка. – Вы меня можете найти в соседнем купе, если я вдруг понадобится.

– О-о-о, вы мне можете понадобиться, – я закатил глаза, девица хихикнула и вышла из купе, а Тихон достаточно сильно пнул меня под столом. – Ай! Ты что, совсем сдурел?

– Не пристало графу на девиц подобного толка засматриваться, – нравоучительно поднял он палец вверх.

– Да что ты говоришь, поборник нравственности, – я раздражённо схватил вилку с ножом. – У меня, между прочем три месяца в постоянной смертельной опасности не было возможности расслабиться.

– Домашние служанки – ещё куда ни шло, дело молодое, и все они клятву верности приносили, и проРысевыми являются. Но бросаться за первой встречной юбкой? Нет, уж. Можете наказать меня, ваше сиятельство, но, не бывать тому, чтобы из-за какой-нибудь вертихвостки вас снова похитили, или вообще с перерезанным горлом из поезда выкинули. Получится, что зря его сиятельство, господин граф Петровича выдернул, чтобы защиты вашу обеспечить? И всё потому, что похоть не можете в штанах удержать?

– Угу, именно потому, что со служанками допускается, вы с дедом всех молодух в поместье сослали, весеннюю генеральную уборку делать, – я с остервенением кромсал курицу. Это было единственное мясо, которое я до сих пор мог переносить в еде. – Да я больше чем уверен, что девица даже не поняла, кто я. Решила, что все мы – свита баронессы Соколовой. И сопровождаем её туда, куда она едет. Ну, а я придворный художник. Как думаешь, я стану однажды придворным художником и напишу портреты членов императорской семьи?

– Ох, ваше сиятельство, дошутитесь вы когда-нибудь. Помяните моё слово. – Тихон неодобрительно покачал головой.

Я уже хотел огрызнуться, но тут натолкнулся на осуждающие взгляды егерей. Совесть у меня ещё не атрофировалась до конца за ненужностью, и я махнул на них рукой. Ладно просижу пару дней не трепыхаясь. От меня не убудет. А хорошеньких официанток на мой век ещё хватит.

Фыра сменила гнев на милость только в самом конце нашего путешествия. Она просто пришла ко мне ночью, забралась под одеяло и, прижавшись к боку, засопела. И вот что с ней делать после этого? Вообще, она не любила спать со мной. Пару раз пробовала, но сбегала. Ей было жарко, а жару рыси не слишком жалуют. Как я понял, Фыра таким вот образом приносила извинения.

Машу за эти дни я видел урывками. Она тихо сидела в своём купе и практически не выходила из него. Мы уже подъезжали к Иркутску, когда я постучал в нашу межкомнатную дверь и, дождавшись приглашения, вошёл к ней.

– Надо же. В первый раз ты не стучался, – тихо проговорила она.

– В первый раз я совершенно точно не мог застать тебя в довольно пикантной ситуации. Сейчас же были возможны варианты. – Прислонившись спиной к косяку, пристально разглядывал её бледное личико. А ведь я всё ещё пытаюсь найти причину того, почему я так долго рисовал её портрет. Маша была миленькая, но не более. Та же официантка куда интереснее и фигуристее. Хотя, если надеть на Машу фартучек... Хохотнув про себя, я протянул ей два листка. – Держи, можешь выкинуть, если не понравится.

На первом рисунке была изображена она с Фырой под боком.

– Как красиво, – прошептала Маша. – Ты талантлив, Женя.

– Брось, это не талант. Но, я не отрицаю наличие в себе этой искры. Ты же видела картину, на которой я нашу богиню-покровительницу изобразил.

– И всё же, ты талантлив, как бы не утверждал обратное. – И тут она взяла в руки второй рисунок. – Сокол-отец-наш, что это такое? – Маша едва не выронила рисунок с весьма монстровидным существом. Существо повернуло в её сторону оскаленную морду, и выглядело очень опасным. Особенно хвост с заострённым кончиком.

– Это, – я задумчиво разглядывал монстра. – Так как вы с Фырой теперь подружки, я решил показать тебе, какой она может быть в своей боевой ипостаси. Вдруг случится что-то непредвиденное и Фырочка вынуждена будет обратиться? Чтобы это не было жутким потрясением с внезапными неприятными последствиями.

– Ну ты и гад, – выпалила Маша, слегка покраснев.

– Да, я такой, – широко улыбнувшись, я послал девушке воздушный поцелуй. – Но, признайся, это-то тебе во мне и нравится.

– Кто тебе вообще сказал, что ты мне...

– Не кокетничай, а то я приму твой выпад за вызов, и мне придётся доказать, что ты сейчас неправа. – Поезд начал останавливаться. – Приехали. Машенька, тебе осталось совсем немного потерпеть меня. Прояви выдержку, достойную будущей курсантки военного училища.

Портал был расположен недалеко от вокзала. Мы настолько быстро до него дошли, что я ничего не понял про Иркутск. Ничего, какие мои годы, когда летом домой поеду, на день задержусь здесь, чтобы всё как следует осмотреть.

Сам же портал представлял собой арку, в которую нам нужно было входить по одному. Наши чемоданы сотрудники портальной переправы переносили самостоятельно. По одному чемодан за раз. Возле портала мы расстались с егерями, а Маша с тремя сопровождающими её слугами.

На той стороне нас уже ждали. Как оказалось, Рысевы могли себе позволить машину даже на изнанке. И машину эту сюда подогнали специально для наследника. И лишь, когда мы в неё загрузились и поехали отвозить Машу, а потом к дому, я понял, зачем мне здесь понадобилась машина.

Изнанка нулевого уровня практически ничем не отличалась от реального мира. Разве что, по периметру были расставлены столбы, которые все вместе формировали гигантский защитный купол над городом. Этот купол был призван защищать в первую очередь простых людей от губительной атмосферы этого места. Тварей вокруг было ну очень мало, за столько лет всех повыбили, так что защищаться от них не было особого смысла. Для этого в городе была создана специальная служба отлова. Но работали ребята редко, почти так же редко, как пожарные. И слава всем известным богам, на само-то деле.

То, что называлось ласково форт, на самом деле представляло собой большой город, для передвижения по которому транспорт был просто необходим. И хорошо, что мой дом оказался рядышком с Академией.

Дом Маши расположился в квартале от моего. А рядом с ним раскинулось военное училище. Как раз посередине между нашими домами стояло кафе, весьма модное и популярное как

у курсантов училища, так и у студентов Академии. И такая популярность заведения приводила к довольно частным стычкам.

Об этом мне поведал Тихон, когда мы ехали к нашему дому. При этом он так выразительно покосился на меня, что стало понятно, хоть я про стычки и не помню, но они были, и, возможно, даже довольно часто.

Остаток дня я обследовал дом и мешал Тихону разбирать мои вещи. Хотел было сделать это сам, но тут старый денщик встал на дыбы, и к чемоданам меня не подпустил. Из слуг в доме жили муж и жена: муж выполнял работу лакея, дворецкого и шофера, а жена была одновременно домоправительницей и кухаркой. Содержали дом в порядке две из уже замужние дочери, которые приходили каждое утро, а к обеду уже уходили по домам.

Фыра сразу же побежала знакомиться с кухаркой, всем видом демонстрируя, какой бездушный хозяин ей достался, который совершенно не кормит кошечку. Всё это она пыталась проделать, безуспешно втягивая округлые бока.

– Да, Фырочка, ты нигде не пропадешь, – я хмыкнул, посмотрев на это дело и пошёл дальше обследовать небольшой дом.

На следующее утро в Академии я сразу же направился к ректору и протянул ему заключение целителя Лебедева, которое тот мне выдал на прощанье.

– Вот как, это очень интересно, – он посмотрел на меня поверх очков. – Идите, Рысев, в художественный класс. У вас сейчас по программе натурная живопись. А я пока подберу вам учителя по огненной магии.

Чуть наклонив голову, я вышел из кабинета. Хоть здесь нельзя было упоминать титулы, но я всё же граф, и надо держать себя соответственно.

Немного поплутав по бесконечным коридорам, совершенно случайно вышел к нужному мне классу. На возвышении стояла прелестная, практически обнаженная девушка, а вокруг нее за мольбертами спрятались студенты. Я прошёл к своему месту, оно просто было единственное свободное, и, оглядев прелестницу, широко улыбнулся, прежде, чем взять в руку карандаш.

– А мне здесь определенно нравится, – и нанёс первый штрих.

Глава 2

Занятие продолжалось по моему личному мнению не очень долго. Вот только девушка натурщица уже заметно устала. Она слегка изменила позу, что вызвало недовольный гул среди молодых художников.

– На сегодня достаточно. Наташенька, вы свободны. Завтра прошу в то же время в эту аудиторию, – раздался мягкий мужской голос откуда-то сбоку.

Натурщица быстро натянула платье и соскочила со своего возвышения, на ходу собирая свои роскошные золотистые волосы в строгий пучок, который закрепила шпильками на затылке. Она как-то мгновенно превратилась из прекрасной нереальной нимфы, позволившей взглянуть на себя простым смертным, в самую обычную девчонку. Это превращение было настолько неожиданным, что я вздрогнул, и пару раз моргнул, глядя ей вслед.

После того, как Наташа скрылась из поля моего зрения, посмотрел на свой набросок и чуть не рассмеялся. Я ведь действительно рисовал её как нимфу, даже какие-то деревья по бокам набросал.

– Не расходимся. Я отпустил натурщицу, а не класс. – Снова раздался тот же самый мужской голос, но теперь уже гораздо ближе от того места, где я расположился со своим мольбертом.

Я повернулся и увидел мужчину, идущего мимо студентов. Он останавливался перед набросками своих учеников что-то подправлял, иногда просто кивал головой. А иногда останавливался и довольно долго что-то обсуждал вполголоса. Когда он подошёл ко мне, я принялся его разглядывать более пристально. Высокий, мы с ним были практически одного роста. Физически хорошо развитый. Темные волосы довольно длинные и забраны в хвост. Кажется, я только что нашел того, кто до травмы был моим кумиром.

Он долго рассматривал моё художество, ничего не сказал, и пошёл дальше. Когда последний ученик был им охвачен, преподаватель повернулся к нам лицом и тихо произнёс.

– Можете быть свободны. Наброски оставьте на мольбертах, завтра продолжим. – Студенты зашуршали сумками, а кое-кто принялся негромко переговариваться. – Рысев, задержитесь.

Я уже взял сумку и хотел идти к ректору, который должен был представить мне огневика, но вынужден был развернуться к подошедшему ко мне преподавателю.

– Что-то не так? – спросил я довольно резко.

Он молчал до тех пор, пока последний ученик не покинул класс.

– Что с тобой произошло, Женя? – я удивленно моргнул и уставился на него.

– Что вы имеете в виду? – невольно нахмурившись, поднёс руку к затылку. Совершенно рефлексивный жест, от которого я, похоже, никогда не избавлюсь.

Он проследил за моей рукой и только потом ответил.

– У тебя изменилась манера рисовать. Линии стали более четкие, но из них ушла жизнь. – Он подошёл к мольберту и принялся изучать набросок более тщательно, чем пятнадцать минут назад. – Нет, техника безупречна, видно, что ты воспользовался моим советом и много времени посвятил тренировкам. Но из твоей работы ушло вдохновение. Ты не творишь, ты работаешь. Из творца, подающего очень большие надежды, превращаешься в ремесленника.

– У меня была травма, а потом довольно неприятный опыт выживания, – медленно говорил я. – Я не помню ни вас, ни какое меня посещало вдохновение. Да, рысь-покровительница, я карандаш с кистью учился заново держать, когда немного очухался.

– Вот как, – он задумчиво провёл рукой по гладковыбритому подбородку, на котором уже очень скоро появится щетина, как это случается у всех брюнетов. – Давай тогда знакомиться. Пётр Иванович Щепкин.

– Евгений Фёдорович Рысев, – автоматически ответил я.

– Очень приятно, – Пётр скупно улыбнулся. – Покажи мне свои руки.

Я не очень хорошо понимал, что ему от меня нужно, но, в общем-то несложную просьбу выполнил. Сильные пальцы ощупали мои кисти. Он несколько раз останавливался, натываясь на подушечки мозолей от ножа и арбалета, которые ещё долго не сойдут, если вообще когда-нибудь исчезнут.

– Ты много заминался физическими упражнениями в последнее время, – задумчиво резюмировал учитель.

– Как вам сказать, наверное, да, занимался. Я уже сказал, что у меня произошёл довольно неприятный опыт выживания. Сомневаюсь, что убийство тварей изнанки – это то, в чем можно черпать вдохновение.

– Вдохновение можно черпать, на самом деле, из чего угодно. Однако, в данном случае, это было бы весьма специфическое вдохновение. Мы с тобой здоровые люди, я надеюсь, поэтому вынужден согласиться, тебе нужно нечто, что заставит вернуться то чувство, которое ты потерял.

– Я постараюсь, – серьезно ответил я, а потом пробежался взглядом по его лицу и телу. – Вы не похожи на художника. Я представлял себе художников совсем другими, когда узнал, что учусь в этой Академии.

– Я не просто художник. – Хмыкнул Щепкин.

– А поподробнее можно? – спросил я.

– Можно, – Пётр отошёл от меня, на мгновение задумался, а затем медленно произнёс. – Раньше, когда только-только макры начали использовать, чтобы стрелять с их помощью из пушек, владетельные дворяне внезапно осознали, что их замки перед этими самыми пушками беззащитны. Современную защиту придумали и начали внедрять в обиход относительно недавно, лет двести назад, а до этого нужно было как-то защищаться. И тогда появилась целая каста военных инженеров, способных построить укрепления, которые защитят в итоге замок. А так как кроме художников, мало кто мог изобразить эти защитные сооружения на бумаге, то инженерами становились бывшие портретисты, пейзажисты и люди искусства. Тогда и была основана наша Академия. Не просто художники, а воины. Ну, а с созданием магической защиты надобность в военных инженерах отпала. Точнее, они уже не нужны были в том количестве, которое выпускала Академия. И наше учебное заведение реорганизовали. Выделив военное училище в отдельное учебное заведение.

– Это интересно, – я задумался. – Но, раз вы имеете отношение к военным, то, возможно посоветуете хорошего мастера, который возьмётся меня обучать бою с применением холодного оружия, например, с мечом?

– На территории форта проживают четыре мастера. – Пётр снова задумался. – Но, мы должны выявить твой уровень подготовки, и, исходя из этого, я смогу посоветовать тебе более подходящего мастера.

– И как этот уровень можно определить?

– В военном училище, – Пётр поморщился. – Как это не прискорбно, но только они владеют специальными техниками, позволяющими определить уровень ученика. Вот что, я сейчас дать тебе записку к одному из инструкторов училища. Человек он, мягко говоря, дерьмовый, но лучше его я не знаю специалиста, в этом деле. Он может тебя провоцировать, как я уже сказал, он просто отменный говнюк, но, если сумеешь вытерпеть пять минут его словоблудие, то получишь все необходимые характеристики.

– Почему он станет меня провоцировать? – я морально пытался настроить себя на пяти-минутное унижение, внутренне понимая, что это действительно необходимо.

– Потому что Генка ненавидит аристократов и недолюбливает людей искусства. – Пётр принялся рассматривать свои руки. – Никак не может поверить и простить, что однажды так отхватил от одного художника, что пришлось идти к целителю.

Я закусил губу, чтобы не заржать. Лично у меня даже тени сомнений не возникло в том, от какого именно художника он получил звиздюлей.

– И теперь думает, что это было исключение, и вообще, он был пьян и неопытен. – Пётр удивленно посмотрел на меня и кивнул. – А аристократы тут причём? Или он проиграл в честной дуэли ещё и какому-то дворянину?

– Вот этого не могу сказать, не знаю, – развёл руками Щепкин. – Но твоё мнение имеет место быть.

– И вот теперь к нему заявится и аристократ, и художник, в одном лице. Просто двойное удовольствие. – Я посмотрел на записку. Может, ну его? Занимаются же люди, изначально и не подозревая о своём уровне. – Пётр Иванович, зачем вы вообще со мной возитесь?

– Женя, ты был моим лучшим учеником. Ты был творцом, настоящим «артистом». Такие ученики раз в несколько лет могут появиться. И что? Это всё? Конеч? Фехтование – это своего рода искусство. Возможно, именно эти занятия вернут тебе утраченное. Во всяком случае, я сделаю всё от меня зависящее, чтобы снова разжечь эту искру. Но, если не удастся, то мне придётся довольствоваться очередным ремесленником. И, будь я проклят, если не сделаю тебя среди них лучшим.

– Звучит, как угроза, – пробормотал я, поднимая сумку, которую перед нашей беседой опустил на пол. – Я пойду?

– Иди, – он кивнул и снова принялся разглядывать мой набросок.

Не понимаю, что ему не понравилось? Я же даже вон, березки нарисовал. Остальные так вообще ещё меньше набросали, а вот этот парень, похоже, всё время рукоблудием занимался, потому что его лист абсолютно чист. Рассуждая в таком духе, вышел из аудитории и пошёл к кабинету ректора.

Там меня ждал просто охренительный сюрприз. Огневик сначала долго не возвращался с каникул. Вернулся он вчера и решил отметить своё возвращение и заодно день рождения в том самом кафе, которое стояло неподалеку от моего дома. В этом же кафе очень некстати решил отпраздновать свой день рождения преподаватель военного училища. Он преподавал в училище тактику, но был дворянином и владел даром воды.

Слово за слово, и праздник плавно переместился на улицу, где для начала огневик подбил глаз воднику. Военный не стерпел и завязалась потасовка. Ректор не знал на каком именно моменте огневик сломал руку, не удивительно будет, если окажется, что это водник руку покалечил. А всё потому, что огневик слишком много эпитетов произнёс, большая часть которых касалась многоуважаемой матушки водника.

Теперь этот кретин лечит перелом, а в Академии нужно отменить столько занятий, да ещё и меня оставить без наставника.

Вообще-то, рассказывать подобное в присутствии студента, как бы не рекомендовалось. Но ректор был, мягко говоря, расстроен. Он так орал, выплескивая своё негодование, что, похоже, даже не понимал, что перед ним стоит один из студентов. При этом он тоже много раз упомянул в своей довольно экспрессивной речи матушку огневика, вот только, судя по всему, эта самая матушка была уважаемой в весьма ограниченных кругах, и отличалась крайней неразборчивостью в выборе партнёров.

Решив, что дожидаться финала и, соответственно, момента, когда гнев ректора сойдёт на нет, не слишком здравая мысль, я потихоньку, пятясь к выходу спиной, покинул кабинет. Занятий у меня сегодня больше не было. Постояв посреди пустого кабинета минуты две, я

принял решение выдвигаться в сторону дома. Там немного отдохнуть, пообедать и выдвигаться в сторону училища. Чем быстрее я отделаюсь от неприятного поручения Щепкина, тем быстрее смогу выбрать себе учителя фехтования и заняться, наконец, освоением меча.

Кроме похода в училище у меня по плану стоял поиск артефактора. Так что дел предстояло много. Успеть бы все их выполнить.

Дома меня ждала идиллия. Фыра лежала на диванчике в кухне и сопела. На моё появление она приподняла голову, широко зевнула и отвернулась к стенке.

– Почему у меня возникает чувство, что ты, дорогая моя, конкретно так охренела? – спросил я у кошки, останавливаясь перед диванчиком, скрестив на груди руки. С ответ меня проигнорировали. – Очень хорошо, ну-ка, пошла за мной, – я схватил наглую морду за шкуру и стащил на пол. Настасья – моя домоправительница и по совместительству кухарка, посмотрела укоризненно. Плевать. Если я сейчас не покажу Фыре, кто в доме хозяин, в последствии могу получить геморрой размером с кулак. А оно мне надо? Тем более, когда можно не доводить до предела и предотвратить этот рысячий бунт в зародыше.

– Куда вы её, Евгений Фёдорович? – не удержалась Настасья, и задала вопрос, прижимая руки к пышной груди.

– Не на колбасу, не переживай, – Фыра упиралась и начала огрызаться. Наконец, мне это надоело. Я отпустил её, сосредоточился и тронул средоточие дара. Сразу стало хуже видно, на свету рысинное зрение делало меня почти слепым. Но я не рассматривать что-то его призвал. У меня была другая задача. – Фыра, хватит выделываться! Немедленно иди за мной! – в голосе прозвучали рычащие обертоны.

Рысь прижала уши, выгнулась, а затем упала на пол и перевернулась на спину, подставляя мне незащищенный живот, признавая меня за главного.

– Ну, вот и отлично. – Я погладил её по шелковистой шкурке, спрятал дар, и поднялся на ноги. – А теперь, пошли. Настасья, – повернулся к кухарке.

– Да, ваше сиятельство, – тут же ответила она, не отводя взгляда от моего перстня. Пройдя следив за её взглядом, я впервые увидел, что при применении дара, так или иначе связанного с рысинной сущностью, белое золото основы начинает светиться, а рисунок печатки приобретает объем. Это, если не брать во внимание тот факт, что мои глаза в этот момент становились жёлтыми и светящимися, а зрачок, я подозреваю, вытягивался.

– Принеси обед в мою комнату, – распорядился я. – А где Тихон? – я спохватился. Что-то действительно с утра не видел денщика.

– Тихон сказал, что ваше сиятельство артефакторами интересовались. Вот он и пошёл выяснять, где можно приличного мастера найти. – Настасья взяла себя в руки после демонстрации моей кошачьей сущности и теперь старалась успокоиться, непрерывно болтая.

– Это хорошо, – я смотрел, как кухарка накладывает еду и расставляет тарелки на большом подносе. – Это очень хорошо. А он знает, хотя бы примерно, где искать мастеров?

– Это изнанка, Евгений Фёдорович, – серьезно ответила Настасья. – Здесь много людей занимаются тварями и макрами: таксидермисты, арте факторы, алхимики. Целители опять же.

– Не понял, а целители тут при чём? Тварей лечат? – я посмотрел удивленно, параллельно отмечая, что Фыра спокойно сидит у моих ног и не пытается снова своевольничать. Ненадолго, правда. Кошкам постоянно нужно силу демонстрировать, иначе уважать перестанут.

– Ну, что вы, ваше сиятельство, – Настасья даже руками всплеснула. – Скажите тоже, тварей пользоваться.

– Как же это всё-таки неприлично звучит, – пробормотал я. – Продолжай, извини, что перебил.

– Целители ищут, что можно использовать в качестве лекарства. Вы же знаете, что у летяги почитай всё в ход идёт.

Когда она начала говорить про летягу, я почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Похоже, я ещё долго мясо не смогу есть. Нужно будет себя пересилить однажды, это понятно, я же не вегетарианец какой, но пока можно рыбой и курицей ограничиться.

– Настасья, мясо убери, – я кивнул на поднос.

– Но, как же без мяса-то? – она уставилась на меня так, словно я кощунство совершил.

– Не спорь. У меня в последние три месяца исключительно мясная диета была, а само название летяги вызывает тошноту. – Проговорил я так ласково, что кухарка вздрогнула, а Фыра жалобно мяукнула. – Просто убери мясо, не задавая глупых вопросов.

– Из супа тоже убирать? – Настасья поджала губы.

– Да, – я вздохнул. – Из супа тоже. Я буду ждать в своей комнате.

Похлопав по бедру, я вышел из кухни. Фыра уныло плелась за мной, но пока показывать характер не спешила. Комната у меня была не одна. Кабинет, он же нечто вроде личной гостиной, гардеробная, спальня. Все комнаты связаны между собой дверями. К спальне примыкал санузел. Может, я и кот, но поваляться в горячей пенной водичке очень даже люблю.

В кабинете я указал Фыре на толстую мягкую лежанку, которая здесь была брошена специально для неё. Правда, она ею ещё ни разу не воспользовалась, и это упущение нужно было исправлять.

– Давай-давай, охраняй территорию. А то скоро в дверь перестанешь пролазить. – Фыра так на меня глянула, словно предложила не маяться дурью, а пойти и купить ножовку, чтобы в случае необходимости прорезать проём пошире. Специально для кошечки.

– Фыр-р-р, – ответила она и упрямо покачала головой.

– Никаких фыр, – придав голосу строгости, указал на лежанку. Фыра легла и демонстративно отвернулась к стене. Ну, хоть так.

Мне принесли еду, и я приступил к обеду, обдумывая, как лучше провести встречу с непримиримым воякой.

Глава 3

Тихон вернулся, когда я уже доел свой нехитрый обед. Нехитрым он стал после исчезновения из него мяса. Проследив за действиями мужа Настасьи – Кузьмы, который уносил пустую посуду, я понял, обед оказался бесполезным – я остался голодным. Как бы "ноги не откинуть" из-за вынужденного вегетарианства.

Нужно срочно решать проблему с моим питанием.

– Нашёл артефактора? – спросил я Тихона, когда мы остались наедине.

– Да что его искать, здесь их много. Я мастера искал, чтобы действительно разбирался в игрушках этих магических.

– Нашёл? – ещё раз повторил я свой вопрос.

– Ну, а как не найти? Быков Порфирий Семёнович согласен подождать ваше сиятельство в течение четырёх часов. Вот по этому адресу. – Тихон протянул мне лист бумаги с адресом артефакторной мастерской.

– Думаю, я успею, – кивнув, поднялся из-за стола и схватил светлый пиджак, который перед обедом снял, и направился в гардеробную.

Одежды было немного.

Обвинять слуг в безделье нельзя, за малый срок времени, выделенный на подготовку дома, слуги физически не успели приобрести достаточное количество одежды на развитое, окрепшее тело. По мне, так этого было вполне достаточно. Развешивал одежду Тихон, который не допускал других слуг заниматься этой работой. Он же приготовил мне костюм для сегодняшних занятий. Поэтому особой нужды сюда заглядывать у меня до сих пор не было.

Кстати, мой костюм, в котором я вырвался из изнаночного кармана, тоже был здесь. Выкидывать я его запретил. Практичный, довольно удобный, и, самое главное, не будет слишком раздражающе действовать на того офицера, к которому я сейчас пойду.

Схватив куртку, я стянул её с вешалки, но немного не рассчитал, и вешалка упала на пол. Ругнувшись, я поднял упавшую вещь, и тут моё внимание привлек спрятанный за обувью небольшой сундук.

Вытащив его, я увидел, что заперт он на замок, контур которого совпадал с моим родовым ключом, который открывал для меня и сопровождающих меня людей вход в охотничий домик. Здесь, похоже, принцип был немного другим. Я снял медальон и положил его на словно выдвигавшийся контур. Постарался я очень хорошо, чтобы содержимое сундучка осталось доступно лишь мне и, возможно, деду, если бы он захотел возиться с ним.

Замок еле слышно щелкнул, сундучок окутался на мгновение желтой дымкой, и крышка слегка приоткрылась. Спрятав медальон на груди, я откинул крышку и уставился на нечто полупрозрачное, кружевное и длинное. Это был дамский чулок. Взяв его двумя пальцами, поднял вверх и обнаружил, что эта невесомая вещь дамского гардероба приклеена к куску плотной бумаги. Перевернув лист, я смог только выдохнуть.

– О-о-о, – протянул я вслух, доставая следующий чулок, который тоже был прикреплен к листу.

На этом листе, как и на предыдущем была изображена привлекательная холёная женщина. Абсолютно обнажённая. Всего чулочков было восемь. И, соответственно, восемь рисунков. Мои музы дружно были от экстаза, а у одной, кажется, появился барабан, в который она иступлённо колотила, вызывая простреливающую боль в висках. Женщинам на рисунках было на вид от двадцати до тридцати лет. И у каждой на пальчике красовалось обручальное кольцо. Рядышком с родовыми перстнями. Это, учитывая тот факт, что мне восемнадцать!

– Так, Женёк, будет очень хорошо для всех, если ты сожжешь к чертовой бабушке эти трофеи, кретина кусок! Какого хрена ты, идиот, вообще эту коллекцию собирал? – бормотал я, вытряхая содержимое сундучка на пол. – Ну, повезло тебе, с замужней красоткой переспал, зачем ты компромат против себя держишь? Неужели в твою тупую башку не закралась мыслишка, что тебя за такие шалости на голову меньше ростом сделают. Это тебе не горничных полуголых рисовать.

В спальне точно был камин. В нём весело горел огонь, всё-таки даже в конце марта ещё довольно холодно, чтобы игнорировать отопление. Схватив в охапку найденные вещи, я бегом пробежал в комнату и швырнул их в камин, добавив жару, призвав дар огня.

– Я одного не понимаю, как, вот как Свинцов с Ондатровым умудрились мне обеспечить сотрясение? Что у меня было сотрясать? – я пошевелил кочергой угли. – Так. Ничего не было. Я ничего не помню, и слава рыси-покровительнице. А раз не помню, значит, ничего и не было. Хотя, почти все они очень даже...

Велев самому себе заткнуться, я проверил, чтобы в камине не осталось ни кусочка компромата, взял сундучок и свалил в него артефакты. Вот так-то лучше. Взяв сундучок под мышку, вышел из спальни и столкнулся с Тихоном. Старый денщик бросил взгляд на сундук, потом на меня, и я сразу понял – он знает.

– Почему меня никто не остановил? – процедил я, останавливаясь посреди комнаты.

– Да как же вас, ваше сиятельство остановишь? Ежели зуд в штанах каждый раз приключался? – вздохнул Тихон. – А самое главное, вы же остывали, сразу же, как только получали желаемое. Сколько скандалов эти стены видели. Сколько проклятий на вашу бедовую голову падало... Мимо дуэлей, рысь миловала, пронесло, вот что самое удивительное и чудесное.

– Да уж, действительно, чудеса, – процедил я. – Кузьма город знает?

– Как свои пять пальцев, – кивнул Тихон.

– Значит, он меня и повозит. У меня сейчас нет времени форт изучать. Не сегодня, это точно, – я перехватил сундучок поудобнее и вышел из комнаты, оставляя Тихона с Фырой, которая всё ещё продолжала изображать смертельную обиду.

Первой остановкой было военное училище. Вход на территорию перегораживал пост охраны. Два курсанта, по виду со старших курсов, тормознули меня и вежливо поинтересовались, какого хера я здесь забыл.

Я помахал запиской и спросил, как я могу увидеть Геннадия Сусликова. Один из парней попросил отдать записку ему, для передачи Сусликову. Был послан, но, как ни странно, не обиделся. Велел ждать и направился куда-то вглубь территории. Он уже вернулся и успел обсудить с товарищем весьма пикантную историю похождения некоего Федьки, которого застукали в будуаре баронессы Н. Застукал, что характерно, сам барон, и Федька едва успел добежать до училища, отделавшись только подбитым глазом, где окопался в казармах, и с тех пор носа оттуда не высовывает. Я с удовольствием послушал бы ещё, но тут капитан Сусликов решил прийти посмотреть, кто так настойчиво добивается встречи с ним.

Инструктор по бою с применением холодного оружия был подтянут, импозантен, наверняка имеет успех у дам.

– Ну, и кто тут топчется? – спросил он, неприязненно глядя на меня.

– Граф Рысев, господин Сусликов. – Представился я, гадая про себя, а действительно ли этот капитан тот самый, которому Щепкин свою записку написал.

Услышав моё имя, капитан так скривился, что все сомнения отпали, да, скорее всего, это и есть тот самый Генка, который ненавидит аристократов и художников. Что странно, потому что у самого на пальце родовой перстень поблескивает. Присмотревшись, я увидел вставшего на задние лапы суслика на печатке. Да, точно, это он.

– И что же нужно целому графу от скромного военного капитана? – в довольно издевательской манере протянул Сусликов. Я лезть на рожон не стал, а просто молча протянул ему

записку. Он внимательно её прочитал, затем окинул меня изучающим взглядом и дал сигнал дежурным пропустить. – Ну что же, уважим старого приятеля, оценим, на что способен его протеже.

Я пошёл за ним, стараясь не оглядываться по сторонам, чтобы не привлекать к себе внимание. Довольно быстро мы подошли к тренировочной площадке, где курсанты отрабатывали бой на шпагах под наблюдением ещё одного инструктора.

– Лейтенант, выдай графу шпагу, – крикнул Сусликов. Остановившись возле стойки с оружием и выбирая себе рапиру. А самому, значит, подобрать мне оружие никак нельзя. Ну-ну.

Тут я заметил, что большинство тренировочных боёв как-то сами собой прекратились. Курсанты с любопытством смотрели на нас, и во взглядах многих проскальзывала острая неприязнь к Сусликову. Похоже, что капитан недолюбливает не всех дворян скопом, а исключительно титульных аристократов. Но, тогда он выбрал себе довольно странное место службы, учитывая, что в военные училища и академии идут практически всегда дети аристократов. За очень малым исключением, что, как правило, только подтверждает подобную тенденцию.

Второй инструктор, к которому обращался Сусликов, внимательно на меня посмотрел, прикидывая мой рост, длину рук и кучу других параметров и безошибочно выбрал подходящую мне рапиру.

– Ан гард! – рявкнул Сусликов и тут же перетёк в боевую позицию. Вот только я не умею на рапирах! Меня никто, вашу мать, не учил этому! Я довольно неуклюже принял стойку, постаравшись максимально скопировать позицию, которую занял Сусликов. – Алле!

Он атаковал сразу, без каких-либо дополнительных уточнений. Первый удар я даже умудрился отбить, а потом ушёл в глухую оборону, стараясь не подставиться под удар, потому что мне показалось, что у этого козла рапира не тренировочная, в отличие от моей. Вокруг нас уже столпилась толпа курсантов. Они наблюдали молча, не решаясь подбадривать кого-то из нас выкриками.

Когда капитан провел серию из нескольких ударов одна из муз в моей башке заорала довольно забавным голосом: «Суслик, сука, личность!». Вот только личность это была довольно мерзкая. К тому же внутри меня заворчала рысь, намекая, что суслики – это, как бы, добыча, и нечего с этой тварью возиться. Кончик рапиры распорол рукав на куртке. Всё-таки она боевая. Вот же гнида. Ты же видишь, что я оружие, как лопату держу. Я же только с короткими клинками умею! В этот момент Сусликов остановился.

– Второй уровень, – бросил он довольно брезгливо. – Даже удивительно.

Вместо ответа я отсалютовал ему шпагой и уже хотел протянуть её подскочившему лейтенанту, как услышал издевательский голос капитана.

– И что, господин граф не хочет отстоять свою честь? – я медленно повернулся к нему.

– Вы же понимаете, что я не умею обращаться с длинным холодным оружием. – Тихо проговорил, глядя на личность с неприязнью. – У меня нет против вас шансов.

– В таком деле я, пожалуй, пойду на уступки. Любое действие с вашей стороны, не будет противоречить правилам. Кроме применения магии и огнестрельного оружия, – добавил он, мерзко улыбаясь. – Более того, я дам вам приличную фору. Как художнику. Нападайте.

Я молча смотрел на него. А в голове прозвучал суровый голос, так часто подсказывающий мне на третьем уровне изнанки, что делать дальше.

«С поворотом налево подставить крестный блок от удара ноги. Схватить руками противника и нанести удар головой. Отталкивая руками от себя, правой ногой нанести удар в грудь второму противнику. Рысев, выходи, отрабатываем с одним противником и с двумя. Второй вооружен, ну, скажем, саблей. Приступаем. Бой!»

Я поднял рапиру принимая прямую стойку. Сусликов, продолжая нагло улыбаться под ропот курсантов, которым явно не было по душе моё унижение от этой, сука, личности. Несколько секунд оценивая ситуацию, я без замаха, как учил меня во снах мой призрачный

учитель, пнул капитана прямо в солнышко. Он застонал, выронил рапиру и согнулся, хватая ртом воздух, а я подскочил и рукоятью рапиры отправил его в нокдаун прямо на землю, с которой ещё до конца не сошёл грязный мокрый снег. А после приставил кончик рапиры прямо в ямку между грудиной и ключицами.

– Туше! – он моргнул, и мы с полминуты бодались взглядами, пока он не ударил раскрытой ладонью по земле, признавая поражение. Я же, не убирая рапиры от его горла, добавил. – Вы правы, капитан, магией было бы куда быстрее. При условии, что у вас нет защитного щита от магического воздействия. Но, и так вышло неплохо. Когда я говорил, что не умею биться на длинных клинках, я именно это имел в виду.

После этого развернулся и протянул лейтенанту рапиру. Уже уходя, заметил, что курсанты загудели, обсуждая мой удар. Недовольными выглядели, может быть, только парочка. Которая никак не могла понять, как их наставник умудрился понести поражение от какого-то художника из Академии изящных искусств.

Меня никто не сопровождал на выход. И это почему-то покорило. Я здесь гость, и что же, могу болтаться, где мне вздумается? Как-то это неправильно. Всё-таки военный объект, где готовят будущих офицеров. А вдруг я теракт затеваю, и сейчас осматриваю наиболее уязвимые места?

– Граф, подождите, – меня окликнули, отвлекая от злобных мыслей. Я оглянулся и увидел, что меня нагоняет тот самый лейтенант, который подбирал для меня тренировочное оружие. – Ну вы и разогнались. Я едва догнал.

– Что вам нужно, лейтенант... – довольно выразительно посмотрел на него, намекая на то, что можно было бы представиться.

– Анатолий Дроздов, – представился он. – Мне от вас ничего не нужно. Раз вы пришли к этому... к Сусликову, чтобы определить уровень подготовки, значит, хотите начать заниматься благородным искусством фехтования. Я могу помочь, – выпалил он. – У моего отца неплохая школа. Есть всё необходимое, включая тренировочный зал. Но, в последнее время он практически не берёт учеников. Но, если я ему помогу на начальных этапах, то в итоге может получиться весьма неплохой результат. Разумеется, это не бесплатно, но, сдаётся мне, вы вполне можете себе позволить подобные траты.

– Почему вы решили мне помочь? – спросил я, в упор разглядывая Дроздова.

– На моей памяти Сусликов получил по морде впервые. Может быть, это поможет уже сбить с него спесь. Хотя бы на время. А то, не удивлюсь, если он однажды не переживёт нападения местных бандитов в темных переулках города. – Он хмыкнул, а потом добавил уже более серьезно. – Генка очень хороший боец. Очень хороший. Если бы не его спесь и, демоны знают, чего ещё, он стал бы прославленным мастером клинка. Эта его упёртость... Почему, думаешь, он всё ещё капитан, несмотря на довольно солидный для капитанского звания возраст?

– Я не пойму, ты рад, что я ему по мордасам настучал, или переживаешь? – как-то так получилось, что мы перешли на «ты».

– Я рад, что ему преподали урок, – серьезно ответил Дроздов. – Мне действительно жаль, что такой талант пропадает в силу каких-то странных завертонов в голове.

– Чем ему титулованное дворянство не угодило? – спросил я, не глядя уже на странного Дроздова. Они какие-то тут все ушибленные. Одно слово – военные. Дубы-колдуны, мать их.

– Да, поговаривают, что какой-то барон у него невесту увёл. А правда это или нет, не знаю, – Дроздов пожал плечами. – Вообще, похоже на правду. Из-за женщин и не такое происходило в мире.

– Угу, ещё скажи, что войны из-за прекрасных глаз начинались, – я хмыкнул.

– Ну, войны ни войны, а вот на дуэлях много представителей славных семейств головы сложили.

– Дуэли запрещены, – я поднял вверх указательный палец.

– Ой, брось, когда это кого останавливало? – Дроздов махнул рукой. – Пошли, я тебе покажу, где школа отца находится. Если надумаешь, то часам к шести вечера подходи.

Мы вместе дошли до пропускного пункта и Дроздов рукой указал на трехэтажное строение, стоявшее через дорогу от училища.

– Этот серый дом, который своим видом портит уникальный ансамбль зданий, расположенных на площади? – я прищурился. Здание школы так сильно выделялось среди всех остальных, что не заметить его было невозможно.

– Ну, ты даешь, – Дроздов хохотнул. – Точно, художник. А-то я уже засомневался. Думал, что Сусликов что-то напутал.

– Нет, не напутал, – буркнул я, рассматривая здание школы. – Я приду. К шести?

– Да, к шести, – кивнул Дроздов. – Я как раз развод проведу и освобожусь.

– А ты что же, не в казарме живешь?

– Мы же не регулярная армия, – он даже удивился. – Если у офицеров и инструкторов есть дом в форте, то нам вполне можно отлучаться из расположения училища. Даже курсантам можно, если они достаточно обеспечены для этого. Ну, а тем, кто в казармах живёт, тем увольнительные нужны, чтобы в город погулять выбраться, это да.

– Даже интересно стало, как вас на случай тревоги в одну кучу собирают, – я задумался.

– А вот это для гражданских интереса вызывать не должно, – улыбнулся, точнее осклалился Дроздов.

– Понятно, военная тайна. Ладно, пойду, у меня ещё дела есть в городе. Вечером увидимся, – Дроздов кивнул и поспешил к оставленным на контуженного Сусликова курсантам.

Я же направился к машине, чтобы съездить к артефактору и, заодно, Кузьму расспросить насчет школы фехтования Дроздовых. Кузя жил в форте почти всю жизнь, и должен был слышать, а то и знать всю подноготную данной школы.

Глава 4

Быков Порфирий Семёнович – артефактор. Вот, кто совершенно не соответствует ни своему имени, ни голове быка на печатке перстня. Маленький, круглый, улыбающийся хитрой улыбочкой. Как только я поставил сундучок с артефактами на прилавок, сразу захотелось проверить карманы. Убедиться, что из них волшебным образом ничего не пропало.

Кузьма зашёл к Быкову вместе со мной. Встал в сторонке и принялся наблюдать, скрепив руки на груди. Судя по его нахмуренным бровям, он был о мастере того ещё мнения. Но, что делать, Быков действительно был лучшим, и на этот аргумент Кузя не возражал.

– Я так и не понял, что вы хотите сделать, граф. Если продать некоторую часть семейных ценностей, то оценка бесплатная. Ну же, граф, в жизни случается всякое, и нет ничего зазорного в том, что, находясь в трудной жизненной ситуации, вы решили обналичить малую часть не слишком дорогих сердцу сокровищ рода.

– Нет, пока я не решил насчёт продажи. В наследство от двоюродной бабушки по материнской линии достался этот чудесный сундучок. – Я похлопал по крышке. – Не удивлюсь, если в нём просто женские побрякушки окажутся. – Мы улыбались друг другу, как две змеи, готовые напасть друг на друга в любую секунду. «Ты будешь последним в этом форте, кому я продам артефакты, если возникнет такая необходимость», – промелькнуло в голове.

– Если же вы просто хотите оценить то, что находится в вашем сундуке, без последующей продажи, то... – Он задумался, окинул взглядом мою потрёпанную, да ещё разрезанную на рукаве куртку, спасибо Сусликову, чтоб его, и произнёс. – Двадцать пять рублей за единицу.

– Да ты охренел совсем, – Кузьма руки опустил, глядя на Быкова округлившимися глазами. – Ты где такие цены взял? Пойдемте, ваше сиятельство, нечего тут делать. К Митьке Котову пойдем, он таким откровенным грабительством не занимается.

– К какому Котову? – Быков насупил. – Этот проходимец обычный накопитель от амулета перемещения не отличит! Ну, хорошо. Я, возможно, погорячился. С кем не бывает. Восемнадцать рублей. Всё-таки качественная оценка – это очень серьезное и кропотливое дело.

– Пятнадцать, если к оценке я получу интересный рассказ про свойства этих вещей и методы их активации, – любезно встрял я в торг.

– Вы просто меня грабите на ровном месте, – буркнул Быков. – А как же неприятие аристократами таких низменных вещей, как цены?

– Плати, не глядя? Это не для меня, – я покачал головой.

– Вы же граф? – Быков натянуто улыбнулся.

– Я ещё и художник.

– Сочувствую. Но к делу оплаты – это отношения не имеет. К тому же, люди искусства ещё больше, чем аристократы не глядят на сумму в чеках.

– Вот такой я неправильный граф, да и художник, как оказывается. – Я снял с шеи ключ и висящий с ним в связке медальон перемещения. – Первичная оценка. Вы мне описываете эти два предмета, а я оцениваю качество предоставляемых услуг. Разумеется, эта оценка будет бесплатной. Потому что про качества этих предметов я знаю всё.

– Давайте ваши предметы. И табуреточку вон ту, что у стеночки стоит, возьмите. Оценка – это долгий процесс. – Сказал Быков, надел на руки перчатки, я так полагаю, защитные, вытащил увеличительное стекло для глаза и склонился над предложенными мною артефактами.

Ключ он практически сразу отодвинул в сторону, с амулетом перемещения возился дольше. Наконец, он распрямился, потёр поясницу и посмотрел на меня.

– И что же вы, Порфирий Семёнович, можете мне сказать про эти вещи? – спросил я, забирая цепочку с артефактами, но убирать не спешил. Мне ключом ещё сундук открывать.

– Универсальный ключ рода. – Он кивнул на ключ. – Ничего особенного. Копия от основного, как и перстень на вашей руке. Открывает замки, запечатанные печатью рода, – он указал на нижнюю грань ключа. А я-то всё гадал, почему у него такая странная форма, с круглым основанием. Реагирует только на дар вашего рода. Кто-то посторонний активировать ключ, впрочем, как и печать не сможет, – скучным голосом произнёс Быков.

– Почему он работал до того момента, как у меня проявился дар и мне отдали перстень? – я вертел ключ в руке, а он не сводил с него взгляда.

– Так ведь это копия. Глава вашего клана, скорее всего, настроил его таким образом, – Быков пожал плечами. Мол, ну что ты привязался, это твоя семейная цапка, вот сам с ней и возись.

– Хорошо, – я кивнул. – Что можете сказать про это, – и я взял в руки амулет.

– Амулет перемещения, – сразу же сказал Быков. На этот раз в его голосе появилось больше интереса. – Очень тонка работа, и очень... Ограниченная, что ли. Почти настраиваемый стационарный портал. Ведёт из двух-трех не более мест в мире в два-три места на изнанке. Двусторонний, универсальный. Настройки все уже построены, нужно только активировать и окно открывается. Активация простая – направить дар в амулет в известном месте. Закрыть портал просто, нужно только отключить от подпитки дара, где-то через три минуты окно схлопнется. Работа кого-то из Кротовских. Только старая. А куда ведёт портал, в какую изнанку?

– Не ваше дело, – я мило улыбнулся.

– Понимаю, – кивнул Быков. – Каждому нужно место уединения. Подумать о жизни, поймать вдохновение.

Ну вот, я нашёл человека, который меня понимает. А-то не верят мне, когда я говорю, что на изнанке искал утерянное вдохновение целых десять дней по времени реального мира. То, что вдохновение найти не получилось – ну, тут такое, бывает. Зато потенциал развил. И магический, и боевой, да и подкачался неслабо. Девочкам больше нравится буду. Хотя, нет. Судя по моей прежней коллекции, девочкам от шестнадцати до условных сорока я буду нравиться гораздо больше, если даже в ресторан заявлюсь с мольбертом. Странные существа женщины. А где сказки про то, что они любят сильнейшего? Ни хрена подобного. Женщины любят долбанутых и увлеченных, ну и иногда сильных. Вот и поди пойми, что им нужно. Иначе такие как Сусликовы не появлялись бы. Потому что он именно что сильный мужик, да ещё и мастером меча бы стал, если бы одна такая его не послала в пешее эротичное. Может быть, мой подход к женщинам был правильный? Вот только за это Ондатрова надо убить, он же своим ударом по моей башке всё мироощущение мне поменял, сволочь. Потому что я сейчас ловлю себя на мысли, что это немножко неправильно, то, как я жил. Моралистом меня сделал, крыса помойная.

– Очень хорошо, – размышлял я о несправедливости жизни не просто так. Я в это время открывал сундук. – С этим заданием вы справились блестяще, Порфирий Семёнович. Думаю, что, если каждая ваша консультация будет выстроена подобным образом, то это будет стоить тех тринадцати рублей, на которых мы остановились.

– Так мы же договорились на... – возмущенно булькнул Быков и тут же прервался, схватившись за сердце. – Бык, покровитель всех моих предков и меня неразумного, вы что натворили?! Вы как вообще додумались все артефакты свалить в одну кучу? Вам руки за такое обращение с ценнейшими вещами выдернуть надо! А перед этим всем ногти повыдергивать!

– И всё это сделать, когда я сижу на колу, – подсказал я, и Быков согласно закивал, явно поддерживая эту идею.

– Это немыслимо, такое кощунство, – сокрушался он, быстро перебирая артефакты и выкладывая их на столе отдельно друг от друга.

– Да я уже понял, что это неприемлемо, может быть, вы теперь мне расскажете, что именно здесь не так. И что вообще это такое? – я указал на прилавок, на котором в ряд лежали артефакты.

В основном это были накопители. Практически все кольца. Они были разряжены, и поэтому Быков уже не смотрел на меня так, словно я стейк из мраморной говядины прямо здесь начал жрать.

– Какая у них емкость и как их заряжать? – деловито спросил я, беря одно из колец, которые Быков после не слишком долгого осмотра отодвинул в сторону.

– Емкость стандартная примерно четвертая часть резерва мага, который начнёт их использовать. Заряжаются все тоже стандартно. Надеваешь на палец и носишь в течение недели. Кольцо потихоньку собирает невостребованную энергию дара и накапливает в резервуаре. Расходуется по мере необходимости автоматически, когда источник мага становится пуст. – Будничным тоном произнёс Быков.

– И они все одинаковы? – уточнил я.

– Да, все одинаковы. Энергия наполненного резервуара не расходуется, но воспользоваться ею может только маг, чья энергия шла на зарядку.

– Замечательно. – Я надел один перстень на палец.

Остальные убрал обратно в сундучок. Дискомфорта не ощущалось, кольцо как кольцо. А дополнительный источник энергии всегда может пригодиться. А вообще, наличие такого количества накопителей и отсутствие в них энергии косвенно указывало на то, что Арсений магом был очень посредственным. Настолько посредственным, что даже портал без помощи накопителя не мог открыть дважды. Потому что вот это кольцо, которое я надел, снято с его пальца.

На стойке осталось три предмета, один из которых Быков сейчас очень тщательно изучал. Он изучал его так тщательно, что я уже даже заподозрил подвох.

– Продайте мне эту вещь, – наконец, артефактор распрямился и положил на стойку увеличительное стекло. – Вам она без надобности, а я дам за неё целых, хм, пятьдесят рублей.

– Что это? – я пристально смотрел на него, а он, сжав губы выпалил.

– Ну хорошо, сто рублей и оценка всех остальных артефактов бесплатная, – выпалил Быков.

– Что. Это. – Раздельно проговаривая каждое слово повторил я вопрос.

– Это разделитель потоков энергии. – Нехотя ответил Быков. – Из крупного потока выделяется более мелкий, потом ещё мельче, и ещё... Вам этот артефакт не нужен, вы же сами говорили, что художник, а в Академии, насколько мне известно, со второго года обучения студентов обучают подобным техникам, которые позволяют вам добиваться совершенства в работах, в которых используется дар. А вот я подобной техникой не владею. Почему-то артефакторов такому не обучают. Как-будто мы рыжие и нам не нужны мельчайшие потоки дара для создания амулетов и других артефактов! А это тоже своего рода искусство, между прочим.

– Опишите другие, и я подумаю насчёт этого разделителя. – По сути он прав, мне эта штука не нужна. Я и свои потоки пока не слишком ощущаю. В следующем году, скорее всего, меня научат их выделять и манипулировать, а потом уже дробить на более мелкие. Хотя я не слишком понимаю, что в картине можно изменить с помощью дара. Особенно моего. Разве что сжечь её к хренам собачьим.

– А вы умеете торговаться, – Быков поцокал языком. – Пятьсот рублей. Наличными. Никаких чеков и ваш глава никогда не узнает, на какие мелкие шалости вы их потратили.

– Два оставшихся, что собой представляют? – процедил я сквозь зубы.

– Так, вот этот – усилитель концентрации. – Он указал на браслет. – С другими артефактами в конфликт не вступает. Если не нужен, то ведёт себя пассивно. Единственное, немного энергии забирает у хозяина, для подпитки. Сотую часть резерва ежедневно. Даже при пол-

ном истощении незаметно. Активируется самостоятельно в моменты повышенной мозговой и физической активности. Что ещё про него можно сказать, пожалуй, всё.

– Так как я учусь, и, похоже, учиться буду много и упорно, такая вещь мне пригодиться, – пробормотал я, надевая браслет рядом с браслетом невидимости. Оба были неширокими, просто довольно прочные серебряные цепочки. Мои музы полюбовались результатом и одобрили, после чего заткнулись.

– Семьсот пятьдесят рублей и бесплатная оценка, – я повернулся к Быкову и моргнул. Затем подтолкнул пальцем в его сторону небольшую коробочку, единственный оставшийся артефакт, о котором я ничего пока не знал. Артефактор вздохнул. – Это любопытная вещица. У меня тоже такая есть. Я их сделал специально, чтобы хранить вещицы, которые не терпят присутствие других артефактов. Полностью экранированный изнутри. Вот, полюбопытствуйте. Руны нанесены снаружи, а внутри только бархат. – Он открыл коробочку и продемонстрировал её нутро, выложенное красным бархатом. – Прекрасная работа. Кто-то из мастеров изнанки делал. Кто именно не скажу, вещь не подписана и уникальностью не отличается. Но мастера реального мира не владеют подобными техниками. К тому же наполнить энергией вот эти руны можно только за пределами защитного купола.

– Замечательно, – я захлопнул крышку и убрал коробочку в сундучок.

На столе лежала только пластинка распределителя потоков энергии, на которую Быков смотрел, как извращенец на нимфетку. Он открыл было рот, чтобы выдать очередное предложение, но тут звякнул колокольчик и дверь в лавку открылась, пропуская запах каких-то невероятных сложных духов, вслед за которым в небольшое помещение вошла женщина.

– Порфирий Семёнович, мой кошелёк готов? – произнесла она немного капризным тоном. На вид женщин было лет двадцать пять, и она обладала чрезвычайно эффектной внешностью.

– Конечно, душенька Марина Владимировна, сейчас я его принесу, – проворковал Быков. Он так быстро исчез, что я заподозрил у него наличие телепорта. Но, скорее всего, всё гораздо прозаичней, он содрал с дамы такие деньги, что готов был летать за её кошельком на Луну.

Так как хозяйина не было видно, она обратила свой томный взор на меня.

– Женя? – я напрягся. Потому что совершенно не помню её. – О, Женечка, ты так быстро исчез, после того незабываемого вечера, – я догадался вскочить с табуретки, и Марина Владимировна повисла у меня на шее, страстно целуя в губы. Я мысленно пролистал листы коллекции и вспомнил её портрет. Правда, на лицо я тогда мало обращал внимание, а вот шикарная грудь с родинкой возле соска запомнилась очень даже хорошо. Как и черный шелковый чулок, прикреплённый к её портрету.

– Марина, я вынужден просить вас забыть этот мимолетный порыв, – с трудом расцепив её руки у себя на шее, я малодушно отошел в сторону. – Моё сердце кровью обливается, но ваш муж...

– Ты хочешь сказать, что между нами всё кончено? – проговорила она, прищулив глаза. Из-под шляпки выбилась ярко-рыжая прядь, придав её очарования.

– По-моему, это ещё тогда было очевидно, – пробормотал я.

– Женя, мужчины меня не бросают, – в голосе прозвучало предупреждение.

– Давай сделаем вид, что это ты меня бросила, мне всё равно, Марина.

– Ваш кошелёк, Марина Владимировна, – меня так вовремя спас Быков, что я готов был подарить ему этот проклятый разделитель. – Как вы и просили, зачарован под ваш семейный дар. Нужно только активировать его, направив крошечную искорку дара в эту замечательную вещицу.

Марина выхватила из рук Быкова кошелёк и выбежала на улицу. Быков же смотрел ей вслед, а потом перевел задумчивый взгляд на меня.

– Марина Шершнёва. Я слышал про её интрижки, которые совсем не красят её мужа. Похоже, в данном случае, это уже немножко история?

– Только почему-то у меня сложилось впечатление, что она не хочет оставаться историей, проговорил я, вытирая внезапно вспотевший лоб ладонью.

– Я бы на вашем месте был осторожен. Брошенная женщина, носящая на перстне осу может быть крайне опасной и мстительной.

– Я учту ваше предостережение.

– Тысяча рублей и бесплатная оценка. – Я даже вздрогнул, услышав очередную озвученную сумму.

– Хорошо, тысяча рублей, бесплатная оценка и пара защитных перчаток. Я, в отличие от вас, не различаю артефакты и могу схватить что-то ненужное голыми руками.

– Идёт, – тут же согласился Быков и полез под стойку за новыми перчатками и требуемой суммой. Похоже, я слегка продешевил, раз он так быстро согласился. – Судя по увиденной мою сцене у вас есть такая отвратительная привычка, граф, хватать все голыми руками. Так что, перчатки действительно могут пригодиться.

Я, как и Шершнёва до этого, вырвал у него из рук деньги и перчатки, подхватил сундучок и направился к выходу. У входа меня ждал Кузьма, весьма неодобрительно поглядывая вслед умчавшейся женщине.

– В школу фехтования, которая перед военным училищем расположена, – процедил я. – И расскажи мне всё, что о ней знаешь по дороге. Машина тронулась, а я закрыл глаза, внимательно слушая то, что мне говорил Кузя.

Глава 5

Когда мы подъехали к школе фехтования, на улице уже темнело. В окнах трехэтажного здания горел свет, но не во всех. В основном, был освещен первый этаж, да кое-где на втором попадались яркие прямоугольники на фоне темного здания.

Анатолий ждал меня в холле. Потому что, как только я открыл входную дверь, он сразу же направился ко мне.

Вообще о школе Дроздова Кузя рассказал мне мало. Если всё обобщить, то можно охарактеризовать школу одним словом: «нормально». Вот только, когда просто «нормально» такого дома не отстроишь. Когда «нормально» – это арендованная студия, она же тренировочный зал, и кусок хлеба, а по выходным икра. Но не это вот, стоящее почти на центральной площади. Здесь что-то не так. И этот диссонанс только подогрел моё любопытство.

– Ты пунктуален, – я невольно бросил взгляд на часы, висящие в холле. Надо же. Прибыл ровно шесть минут в минуту. А ведь не стремился к такому результату. Надо же как получилось.

– Точность – вежливость королей, – хмыкнул я, снимая куртку. В доме было тепло, и я быстро начал понимать, что потею.

– Одет ты, конечно... – Толя покачал головой.

– А что не так? – спросил я.

– Да всё так, только не для тренировки. Но, сегодня тебя отец гонять сильно не будет, просто навыки проверит, да с оружием определитесь. Пошли, я тебе покажу раздевалку. И выдам подходящую одежду. – Дроздов повёл меня вправо от входа.

Мы прошли по длинному коридору и оказались в довольно просторной комнате. Вдоль стен стояли несколько шкафов, запирающиеся на ключ. Возле каждого шкафа располагалась небольшая банкетка, на которую можно было сесть при возникновении такой потребности.

– Хорошая раздевалка, – протянул я. – Даже стало интересно, потяну ли я обучение в этой школе?

– Потянешь, – Дроздов протянул мне комплект одежды: свободные широкие штаны, и рубаха. Всё это подвязывается простыми верёвками. – Переодевайся. После тренировки можно будет принять душ. В принципе, если договоритесь, то оставишь тренировочную одежду себе. Будешь оставлять на банкетке, чтобы её стирали вовремя.

– Что это вообще за одежда? – я развернул рубаху и принялся рассматривать, держа на вытянутых руках.

– Какая-то крестьянская. Я не интересовался. Главное, что в неё действительно удобно.

Я принялся переодеваться. Свою одежду аккуратно повесил в шкаф. Ключ имел специальный карабин и его можно было прицепить на толстую цепочку на шее рядом с амулетом, чтобы не мешал.

– Почему тут никого нет? – спрятав амулеты с ключом под рубашку, я повернулся к Анатолию.

– Я же уже говорил, отец в последнее время практически не берёт учеников. – Дроздов передернул плечами.

– И с чем это связано? – я внимательно смотрел на него. – Пойми, я не просто так спрашиваю. Мне нужен действительно хороший учитель.

– Я понимаю, – он подошёл к двери. – Пошли. Поговоришь. Проверите друг друга. Тебя же насильно здесь никто заниматься не будет заставлять.

Я только кивнул. И правда, зачем лишний раз воздух сотрясать, когда можно просто проверить. Мы вышли из раздевалки и направились в обратную сторону к холлу. Только на

этот раз шли недолго. Буквально через пять метров Дроздов остановился, открыл дверь, и мы вошли в большую залу.

– Подожди здесь. Я сейчас отца позову, – и Дроздов оставил меня посреди этой комнаты одного.

Больше всего зала напоминала бальную? Но слишком большое количество зеркал немного смущало. Как и жесткие маты, гири и свисающие с потолка канаты. Спортивный зал? В голове промелькнула картинка: мальчик-подросток разбегается и прыгает через странного рода приспособление, похожее на ту же банкетку, только на длинных и прочных ногах. А с того места, откуда он побегал стоит очередь подростков, среди которых есть девочки, такие все в коротких штанишках, практически полностью открывающих ножки и в маечках, так обтягивающих девичьи прелести...

Так, я скоро своих муз давить буду! Я знаю, что моё вынужденное воздержание порядком затянулось, то не перед будущим учителем мне такое показывать!

«Идиот!», – возмутились музы. – «Мы тебе показываем, что такое спортивный зал. На девчонках ты сам заострил внимание».

Да, точно. Вот только, это не спортивный зал. Слишком много зеркал. И снова в голове промелькнула картинка: куча совсем маленьких девочек в белых балетных пачках стоят боком перед таким же рядом зеркал и приседают под строгие команды сурового вида дамы, которая ходит вдоль ряда чуть ли не с плетью в руках.

Так, это что же получается. Балет с силовыми упражнениями? Что-то я не припомню балерин с гириями. Ладно, надеюсь, мне скоро всё объяснят. К тому же я не припомню, чтобы когда-нибудь фехтованием занимался. Так что, это вполне может быть обычная обстановка для тренировочного зала.

Дверь открылась и в зал вошёл Анатолий Дроздов и не старый ещё мужчина. Высокий, худощавый, жилистый, с внимательным взглядом черных глаз. Темные волосы, чуть тронутые сединой, довольно длинный и забранные в хвост. Одет он был в белую рубашку и штаны на подтяжках.

– Толя, можешь идти, мы с юношей сами способны договориться. – Сказал он, обращаясь к сыну, но не глядя на него. Всё это время он не открывал пристального взгляда от меня.

Я в свою очередь смотрел на него. И даже не заметил, как мы остались наедине. Молчание затягивалось, и я не выдержал первым.

– Ну, и долго мы будем в гляделки играть? – получилось грубовато, но, сколько можно уже молчать. Тем более, я почувствовал, что жрать хочу. За обедом я не наелся, а уже ужин, как-никак.

– Почему ты хочешь заниматься фехтованием? – спросил он, а я даже немного растерялся.

– Я граф, – ответил медленно. – Не владеть холодным оружием – это моветон.

– Брось. – Похоже, тот факт, что я граф, произвёл на этого типа очень незначительное впечатление. Если вообще произвёл. – Фехтование в наши дни не модно. Высшая аристократия всё ещё таскает шпаги как знак приверженности древним традициям. Но, сдаётся мне, очень скоро эти традиции сойдут на нет. – Дроздов скупой улыбнулся. – Я больше, чем уверен, что в твоём гардеробе нет ничего, похожего на перевязь. Так что ты даже традициям следовать не пытаешься. Так, зачем, тебе фехтование?

Я задумался. То, как он на меня смотрел, как пытался понять, зачем мне это сдалось... А не в этом ли кроется причина того, что Дроздов практически перестал брать учеников? Не видит он в этом смысла, ведь благородное искусство фехтования отходит на второй план, и грозит вовсе исчезнуть. Тяжело ему, наверное, видеть закат того, что являлось частью его жизни.

Тяжело вздохнув, словно только что километр бежал от тварей четвертого уровня, вытянул руку, сосредоточился и пальцы привычно сжали рукоять полуторника. Подумав, изменил мысленно форму клинка, который послушно принял форму рапиры. Глядя на полоску яда, идущую по кромке клинка, внезапно вспомнил, что забыл спросить у Быкова, как подзаряжать макры, пошедшие на изготовление этого чуда.

– Это достаточный аргумент? – спокойно спросил я, прикидывая, когда лучше снова наведаться в лавку артефактора, чтобы его случайно не прирезать при этом.

– Меченосец, значит, – задумчиво проговорил Дроздов. – Давненько я вашего брата не встречал. Но, ты прав, это достаточный аргумент. Вот только... Меченосцами просто так не становятся. Это не врожденная способность. Нужно многое пережить, чтобы появилась возможность призывать меч. Как она у тебя появилась?

– Зачем вам это знать? – я не спешил прятать клинок. Просто опустил руку, позволяя кончику шпаги касаться пола.

– Я уже немолод. А у стариков часто возникает потребность поболтать. Мой Толька внуками меня порадовать не хочет, что ещё остаётся?

– Да? – я весьма демонстративно осмотрел его с ног до головы. На старика Дроздов явно не тянул.

– Не смотри так на меня. Внешность порой бывает обманчива. Тем более, что тебя я тоже за серьезного человека не принял. Не хочешь рассказывать, твоё дело, только на скидку за обучение не рассчитывай.

– Да я её вроде бы и не требую, – я усмехнулся. – И всё-таки, не только то, что я ношу этот артефакт, вызвало во мне такое горячие желание научиться обращаться с длинным клинком. И в наше время встречаются идиоты, которые пытаются замышляемое убийство, под видом дуэли осуществить.

– Я слышал что-то такое, – Дроздов задумался. – Это не с твоим кланом связан скандал, что в реальном мире обороты набирает? Что-то связанное с убийством наследника одного баронского рода и угрозой вырезания этого клана под корень?

– Если вы имеете в виду убийство наследника барона Свинцова, то да, это моих рук дело. Как раз тот случай, когда Борюсик хотел застрелить меня, выстрелив в спину. Но сначала пытался на дуэль вызвать. Он промахнулся, я – нет. Бывает.

– Да, такое случается, – кивнул Дроздов.

– Мне только интересно, кто и где про нас говорит?

– В училище, где же ещё? Да только так преподносится, будто ты как раз несчастного барона выстрелом в спину к праотцам отправил, а сейчас твой дед и вовсе хочет земли баронские к своим присоединить.

– Ага, именно потому Медведев признал меня невиновным и сейчас уговаривает деда удовлетворится одними Свинцовыми, и не развязывать полноценную войну, – я переступил с ноги на ногу. – А кто эти слухи распускает, я, похоже, догадываюсь. Ничего, он тоже своё получит, стоит только немного подождать.

– Так, ладно, хватит болтать, – перебил меня Дроздов. Видимо всё, что связано с интригами и задевает политику, вызывает у него страшную изжогу, и, выяснив для себя кое-какие моменты, он решил быстренько закруглиться. – Давай посмотрим, что ты уже умеешь. Да, я бы посоветовал тебе первый вариант меча освоить. С ножом в виде даги, это будет оптимальным вариантом. Шпага – поверь, не для тебя.

– Тем не менее, я хотел бы ею научиться управлять. – Возразил я.

– Техника другая, акцент идёт больше на уколы. В то время, как с мечом используется вся плоскость клинка. – Он посмотрел на мои упрямо сжатые губы и вздохнул. – Ну, хорошо. Основы я тебе дам. Но, Евгений, учить тебя основательно я буду только на мечах. Если ты против, то, лучше нам на этом расстаться.

– Я могу подумать? – спросил я, прикидывая, нужно ли мне действительно связываться с этим Дроздовым. – И, да, вы, я посмотрю, моё имя знаете, а вот я ваше почему-то не просто не знаю, но и не слышал ни разу.

– Упущение с моей стороны, ты прав, – Дроздов снял тренировочную рапиру со стойки для оружия, взвесил её на руке кивнул и развернулся в мою сторону. – Меня зовут Владимир, без отчества, не люблю я его.

Кажется, имя Владимир одно из самых популярных в реальном мире. Даже среди сильных мира сего есть Владимиры. Что интересно среди простых смертных творится?

– Очень прия...

– Бой! – Он атаковал, не дав мне договорить.

Двигался Дроздов стремительно и легко. Шпага словно была продолжением его руки. Что он там мне пытался говорить про свой возраст? Я считал, что Сусликов движется с огромной скоростью? Да капитан на месте стоял, по сравнению с Дроздовым. Шпага мелькала вокруг меня. Создавалось ощущение, что он атакует сразу со всех сторон. Уже после первых пяти секунд мне пришлось уйти в такую глухую оборону... Дроздов меня теснил к стене. Я пятился до тех пор, пока на моём пути не оказался щит. Самый настоящий небольшой щит. Не знаю уж, кто его сюда притащил, возможно такой же мастер, вроде меня. Других мыслей, кроме той, которая панически вопила о том, что мне срочно нужен пистолет, в голове не было. Единственное желание – защититься, перевешивало даже голод. Поэтому я, недолго думая, схватил щит, и, приняв на него очередной удар, размахнулся и ударил прямо по морде наставника. Точнее, попытался ударить. Он сумел увернуться, хотя этот удар был явной неожиданностью для него. Вот только этим отчаянным поступком я сумел добиться главного: Дроздов снизил скорость и потерял темп.

Поняв, что теперь уже я начинаю его теснить, маша щитом направо-налево, как дубиной, Дроздов прекратил бой.

– Всё, хватит. – Он поднял руку с рапирой и отсалютовал ею мне. – Второй уровень, капитан Сусликов прав. Твой манёвр со щитом довольно подлый, но оригинальный. В честной дуэли это было бы нечестно, а вот в реальном бою нечестных приёмов не бывает. Есть только те, которые ведут к победе. И вот их-то мы и будем изучать особо тщательно, когда к мечу перейдём. Пока будем осваивать шпагу – забудь о них. Шпага тебе нужна исключительно для этой ерунды вроде дуэлей. Ну и перед дамами покрасоваться.

– Щит специально здесь лежал? – Голос прерывался, я никак не мог отдышаться. Загнал меня этот «старичок», конечно, отменно, как свора того волка. Может быть, поэтому ещё я за щит схватился. Рысь, загнанная в угол, становится непредсказуемой. Хотя, она и так непредсказуема.

– Естественно, – Дроздов ухмыльнулся. – Не просто же так, для красоты я его сюда поставил. Я не художник, мне интерьер нет нужды обставлять, чтобы всё гармонировало друг с другом. – Угу, понятно. Сынок донёс моё мнение о том, что этот дом не вписывается в изначальную композицию строений, расположенных вокруг площади. – У меня было много учеников. Многие стали в итоге мастерами клинков. Но вот так, на первом оценивающем занятии, без подсказки и оговорки, что ты можешь защищаться любыми доступными методами, только ты и ещё один парень, вроде тебя, решили продать свою жизнь подороже. У других срабатывал тормоз – бой-то, как ни крути, тренировочный.

– Это хорошо или плохо? – мрачно спросил я.

– Это необычно. А мне нравится всё необычное. Тот парень, о котором я тебе говорил, тоже был художником. Может быть, дело в этом? – он задумчиво осматривал меня, словно пытаясь вычислить то, что отличает студентов Академии от остальных его учеников.

– Почему вы остановили бой? – спросил я. На политесы не было сил. А ведь, что-то мне говорило, что это ещё не конец тренировки.

– Потому что у тебя в руках заряженный смертельным ядом клинок. Мне хватило бы одной царапины, чтобы ты начал искать себе другого наставника.

Я посмотрел на руку и ругнулся. В пылу схватки я совсем забыл, что так и не убрал его и не взял тренировочную рапиру. С другой стороны, Владимир это помнил и видел, и не велел мне заменить оружие. Значит, это для чего-то было нужно. Внезапно, до меня дошло.

– Это было сделано для того, чтобы я привык к его весу?

– К весу, к рукояти и ещё миллиону параметров, – кивнул Дроздов. – Тренировочными рапирами и мечами мы будем заменять твой меч только во время спаррингов, чтобы у меня больше не возникало желания остановиться. Отработка же приемов только со своим оружием.

– А, может быть, вы знаете, как макры заряжать, которые на этот клинок пошли? – как бы невзначай спросил я.

– Знаю. Во время боя, да даже во время интенсивной тренировки ты инстинктивно обращаешься к дару. Да и твой перстень строго за этим следит. И всю эту выработанную и выделенную, но не реализованную энергию распределяют между собой артефакты с пассивной подзарядкой. Не зря же ты полупустой накопитель таскаешь. Меч работает на тех же параметрах.

– Так они мне ничего не оставят, – проворчал я.

– Развивайся. Расширяй каналы, увеличивай резерв. Методик много. Не думаю, что в Академии обойдут эту сторону обучения стороной. – Дроздов встал рядом со мной и посмотрел в зеркало. – Повторяй за мной до тех пор, пока наши движения не станут синхронными. Сегодня остановимся на основных стойках и небольшом экскурсе, какие удары из каждой стойки можно наносить с наибольшей эффективностью. Ан гард!

Всего мы прозанимались до девяти вечера. При этом Владимир таким образом распределил мои нагрузки, что я не падал с ног, да и мышцы не особо болели. Я принял душ и переоделся в свою одежду. Потную тренировочную форму оставил на банкетке рядом со шкафом, который уже начал называть своим.

Дроздов ждал меня в холле.

– Завтра жду тебя так же к шести. Сейчас настрою защиту, чтобы она пропускала тебя без встречающих. Переоденешься и проходи в зал. Если меня не будет, подождешь немного.

– Сколько будет стоить обучение? – спросил я, прежде, чем выйти.

– Три тысячи за этот семестр до летних каникул. Обучение ежедневное и на твои экзамены и выходные мне плевать. Учись распределять время. Пара прогулов и мы распрощаемся. Можешь чек оформить. Мне не принципиально. Здесь банков целых три на сравнительно небольшой город. Изнанка, что сказать. Искателей приключений и охотников пруд пруди. Кому-то везёт, могут и куш сорвать. Больше, конечно, на более низких уровнях, но и здесь есть, чем поживиться.

– Я приду, – ответив, я вышел за дверь. Сразу же заурчало в животе. Сев в машину, сказал сворачивающему газету Кузе. – Довези меня до кафе и можешь быть свободен. До дома я пешком дойду, там меньше половины квартала.

Глава 6

В кафе было довольно людно. Я прошёл за свободный столик, стоящий у стены и огляделся по сторонам. Судя по количеству людей, место было действительно популярное. В основном за столиками сидели курсанты училища, они занимали пять столов. Три столика было оккупировано студентами Академии. Один столик был занят мужчинами. Судя по тому, что у них там было довольно весело, они что-то отмечали. За одним столиком сидел я, и ещё один столик неподалёку оставался пока пустым.

Официантка в кафе была предусмотрена. Всё-таки, ученики здесь собирались не бедные. А курсанты, скорее те, кому родители смогли квартиру прикупить, или снять в крайнем случае. Не будут же они сам таскать подносы с пивом? Как я вообще о таком мог подумать? Какое кощунство.

Мои мысли подтвердились, когда хорошенькая официантка шла к моему столику и очень привычным жестом увильнула он лапы одного придурка в форме, который хотел её шлёпнуть.

– Что будете заказывать, – девчонка дежурно улыбнулась, старательно зарабатывая себе чаевые.

– А что вы мне посоветуете? – я окинул её весьма откровенным взглядом, но руки не распускал. – Условие, это должно быть съедобным.

– Стейк сегодня получается прекрасным, – она улыбнулась.

– Стейк, говоришь, – я прислушался к себе. От одного упоминания мяса меня не тошнило, но и есть его не тянуло. Похоже, что ещё несколько дней я не смогу вернуться к мясным блюдам. Чертов Ондатров, только за это его надо грохнуть! – Нет, пожалуй, я вынужден отказаться. Я на диете, – сообщил девчонке доверительным шепотом. – Что-то растолстел в последнее время. Даже одеть нечего, приходится старые куртки денщика донашивать.

– О, – она окинула моё тело оценивающим взглядом. – Вам совсем не нужно худеть, проще новую одежду купить. Сомневаюсь, что вы не можете себе это позволить.

– А откуда вы узнали, что я могу поменять свой гардероб, ведь куртка-то действительно денщика. – Я увидел за соседним столиком какое-то шевеление. Один из курсантов, похоже, что тот самый, который хотел шлёпнуть девчонку, чуть развернулся, и я увидел, что прямо напротив меня сидит Ондатров, разглядывая немигающим взглядом. У меня сами собой кулаки сжались, особенно, когда эта дрянь улыбнулась, увидев, что я на него смотрю.

– У вас ботинки на ногах стоят больше, чем я за полгода получаю, – ответила девушка, а я сначала даже не понял, на какой вопрос она отвечает. Потому что всё моё внимание было сосредоточено на гаденыше Лёньке.

– Что? – я перевёл взгляд на девушку. – Ах, это. Всегда забываю, что мужчин выдают две вещи: ботинки и часы.

– Часы? – теперь удивилась девушка, я же выругался про себя. Опять музы подкидывают мне всякую чушь, которую я озвучиваю, потому что не могу сосредоточиться.

– Не обращай внимания, – я сосредоточился на ней. – Лучше скажи, что у вас есть без красного мяса.

– Есть рыба в кляре, – неуверенно предложила официантка. – Куринный салат.

– Тащи. – Я кивнул. – И то, и другое.

– Пить будете пиво? – деловито спросила она.

– Если только очень слабенькое. – В ответ на её удивленный взгляд пояснил. – У меня была недавно травма головы, и до сих пор шумит и без пива.

– О, тогда сок, – она снова улыбнулась мне и упорхнула на кухню.

Я ждал её прихода, отмечая, что подсознательно готовлюсь к провокациям из-за соседнего столика. Ондатров далеко не дурак, к моему большому сожалению. Напрямую он не полезет. А, жаль. Это был бы неплохой способ избавить мир от его существования, а потом свалить на несчастный случай, ну, перестарался в пылу чувств, что теперь делать? Я же художник, в оружие ни хрена не смыслию: откуда мне было знать, что вон та кочерга – это тоже оружие?

– Ваш заказ, – передо мной начали выставлять тарелки с заказанной едой. – Рубль восемьдесят. – Рыба дорогая, – словно оправдываясь ответила она, в ответ на мой насмешливый взгляд.

– Ты же сама не так давно что-то про мои ботинки говорила, – я усмехнулся. Кинул ей на поднос три рубля шикавать, так шикавать. – Сдачу себе оставь.

– Интересно, как мужчина может оставаться мужчиной, поедая этот девичий ужин? – спросил, повернувшись ко мне один из дружков крысёныша.

– А ты попробуй. В рыбе, например, много фосфора. Позволяет оставаться в тонусе всю ночь напролёт. Ах да, при некоторой доле везенья, он ещё и светится в темноте. Недовольных пока что не случилось, – я издевательски улыбнулся, и поднял вилку с ножом.

– Думаешь, что, если щедрые чаевые заплатил, то тебе за это что-то перепадёт? – прошипел тот самый, который заигрывает с девушкой, путём шлепанья её по попке.

– Возможно, – я быстро расправлялся с салатом. – Даже более того, я почти уверен, что мне скоро сделают весьма интересное предложение. – Отодвинув тарелку, я придвинул к себе рыбу. Она стоила своих денег, призываю рысь в свидетели. Все косточки удалены, мясо нежное, не пересушенное... – К тому же ей, наверняка известны все полезные свойства этой божественной рыбы.

– Ваш десерт, – я поднял взгляд на девушку, которая ставила передо мной какое-то пирожное. – Я освобождаюсь через два часа.

– А я это учту, – как можно обворожительнее улыбнувшись, я проводил её взглядом. Мои музы мечтательно затихли в предвкушении. Поймав взглядом неприязненный взгляд того курсанта, который первый начал меня прощупывать на предмет провокаций, поднял вазочку с десертом и отсалютовал ему. – Ну, что и требовалось доказать, как говорят некоторые ученые мужи. А вам не стоит так отвратительно показательно завидовать. И вам однажды попадется сравнительно неприхотливая особа, – я медленно обвел их всех насмешливым взглядом, включая Ондатрова, – очень неприхотливая, которая, наконец-то, сорвёт с вас венец девственности. Правда, вам всё-таки придётся ей заплатить.

Они аж побагровели. И что интересно такого страшного я им только что сделал? Неужели попал случайно в точку и им никто не даёт, включая проститутку? С их-то милой обходительностью...

– Женя, – я обернулся и увидел, как Маша подзывает меня жестом руки. – А я всё гадала, заметишь ты меня, или нет.

Надо же, за своим противостоянием Ондатрову и его прихлебателям даже не заметил, что единственный незанятый столик уже таковым не является. Там сидела стайка девушек, одетых в форменные брючки, рубашки и сюртуки, сшитые с учетом особенностей женских фигурок. На ножках у каждой высокие сапоги на небольшом каблучке. По-моему, каблучки подкованные. Если таким прилетит – мало не покажется.

– Ну что ты хочешь, Влад, он же ничем другим привлечь внимание девушки не сможет, только деньгами. – Заявил другой прихлебатель Ондатрова. Странно, что сам Лёньчик молчит, как рыба об лёд. А с его шавками мне связываться лень.

– Парни, пока вы так громко стараетесь всем здесь присутствующим показать свою мужественность, я, пожалуй, предпочту вашему обществу более гетеросексуальное. – Встав, подхватив вазочку с десертом, я двинулся в сторону девчонок. Странно, что Маша не позвала к

себе жениха. Хотя, может, она просто его не видела. Крысёныш, видимо сознательно выбрал место, расположение которого скрывало уродо за телами его друзей.

Встав, его приятели продолжали прикрывать Лёньчика со всех сторон.

Я уже прошёл столик с разинувшими рот дегенератами, когда до них дошло, как я их только что назвал.

– Ах ты... червяк! – любитель шлепанья вскочил и бросился на меня.

Вот только ждать, пока мне по морде заедут я не стал. Да, я их оскорбил, но весьма завуалировано, многие и не поняли. А вот они меня провоцировал весьма грубо и неумело, и это видели все находящиеся в кафе гости. Так получилось, что напасть на меня хотели из-за спины. Развернувшись, я что есть силы ударил его в лицо. В руке у меня была вазочка с десертом, который я так и не попробовал. Десерт размазлся по морде, а вазочка откололась по краям, разбившись о крепкие зубы.

Тут же воткнул обломанную вазочку в шею второму, каким-то чудом не задев сосуды. И, схватив за грудки третьего, впечатал ему лоб в высокую породистую переносицу.

А вот уйти от удара четвёртого я уже не успевал. Единственное, что сумел – это отклониться и удар прошёлся по скуле по касательной. Вот только кожа лопнула, когда по ней проехали острые грани перстня.

– Хватит, прекратите! – оказывается, вся драка заняла секунд десять-пятнадцать не больше.

К нам бежала Маша и ещё пара девчонок, один из мужиков, что-то празднующих в углу, и, как бы это странным не было, Ондатров поднялся со своего места, чтобы остановить своих приятелей. Вот же тварь. Сначала довёл дело до драки, а потом пытается делать вид, что из самых благородных побуждений пытается остановить избиение толпой одного художника. Правда, они сначала от этого художника неплохо отхватили, но это же детали, правда? Кто и когда на них внимание обращал.

– И это наши будущие офицеры? – я вытащил платок и прижал его к скуле. Кровь прилично текла и никак не хотела останавливаться. Завтра, скорее всего, синяк будет. А с заплывшим глазом много не нарисуешь. – Что-то мне становится страшно за нашу родину.

– И я с вами полностью согласен, граф, – мужчина, подбежавший к нам, оказался невысоким, лысым, очень подвижным и в очках. – Позорище. Мало того, что решили напасть вчетвером на одного, так ещё и проиграть умудрились. Пошли вон отсюда. Я завтра же подниму вопрос у начальника училища на разводе о том, чтобы запретить курсантам вплоть до третьего года обучения эти вольности.

– Но, господин полковник... – промямлил самый первый, с красиво размазанным по морде десертом.

– Вон, я сказал! – рявкнул полковник. – Даже день рождения товарища невозможно спокойно отметить. И не забудьте целителю показаться.

Только сейчас я увидел, что за столом их сидело шестеро. Последним встал Ондатров.

– Что, Рысев, тебе и сейчас удалось подставить честных парней, будущих офицеров, как ты Борю Свинцова подло убил? – он сказал это достаточно громко, чтобы в кафе начали шептаться, да так, что гул образовался.

– У меня есть куча свидетелей, что твой дружок Борис сам себя неплохо подставил, впрочем, как и эти друзья, которые больше на твоих холуев смахивают.

– Свидетелей можно купить, а у Рысовых достаточно средств, чтобы то сделать... – Зря он это сказал.

Мне-то всё равно, что он там собирает, но к нам пробилась Машка. Уж как она это сделала неясно, потому что мы уже были окружены плотным кольцом зевак. Маша потирала локоть, похоже, что кто-то не хотел уступать дорогу. Она к несчастью женишка услышала его последнюю фразу.

– Что?! Что ты такое говоришь, Лёня?! – так ещё немного и она перейдёт на визг. А вот морда у Ондатрова вытянулась, и это, в общем-то совсем неплохо. – Я там была! Мой дядя стоял в трех шагах, когда Борька хотел стрелять Жене в спину! Ты хочешь сказать, что семью барона Соколова тоже купили Рысевы? Ты не слишком много на себя берешь?

– Машенька, меня там не было, я не могу знать, – начал юлить Ондатров. – И Боря был моим другом. Мне сложно поверить, что он мог стрелять кому-то в спину.

– Угу, без твоей подсказки. – Тихо добавил я. Но Ондатров услышал.

– Что ты сказал? – он резко развернулся и яростно посмотрел мне в глаза. Наши взгляды встретились. И тут он что-то разглядел в моих. Потому что понял – я знаю. И про рысь знаю, и про то, кто нанял Арсения, чтобы тот от меня избавился. – Граф, я понимаю, то, что вы пережили – это ужасно, особенно для вашей возвышенной натуры. Я не буду просить прощения за поступок своего друга, возможно, вы его действительно спровоцировали. Борис был простым человеком, а ваш язык больше на змеиное жало похож. Но я и вправду жалею, что меня не было рядом. Возможно, я сумел бы его остановить. Маша, я надеюсь, мы в скором времени поговорим и проясним это недоразумение.

Ах ты, мразь! Так искусно вылить на меня ведро помоев, это нужно талант иметь. Не удивлюсь, если когда-нибудь узнаю, что именно он расшифровал своим недалеким товарищам, куда именно я их послал.

– Женья, у тебя кровь, – тихо произнесла Маша, и я перестал с ненавистью смотреть на дверь, за которой скрылся Ондатров.

– Что? – я сфокусировался на её обеспокоенном личике. – Ах, это, – я отнял платок от рассеченной кожи на скуле и сразу же почувствовал, как по щеке потекла кровь. – Твою мать, – процедил сквозь зубы. – Извиняться не буду, ты будущий офицер, должна привыкать к крепким словечкам.

– Пошли, я должна остановить тебе кровь, – и она решительно потащила меня куда-то к барной стойке.

Бармен флегматично ткнул пальцем на дверь подсобки. Там всё было приготовлено для перевязки, даже несколько зелий нашлось, включая обезболивающее. Похоже, не только рыба увеличивала итоговый счёт. Он просто включал в себя все эти расходные материалы.

Я сел на стул и мои глаза оказались прямо напротив упругой груди.

– Рысь-моя-покровительница, за что ты меня мучишь? – прошептал я, стараясь отвести взгляд, вот только как это было сделать в подобных условиях, никто мне подсказать в этот момент не мог.

Продолжалось наваждение ровно до той поры, пока смоченная в чем-то вонючем корпия не коснулась раны. Вот тут мне как-то резко стало не до женских прелестей. Я сжал зубы так, что почувствовал во рту вкус мела. К счастью, боль быстро прошла, и я сумел выдохнуть.

Боль больше не возвращалась, а Маша продолжала обрабатывать мне рану, сейчас куда более качественно и профессионально, чем в то время, когда голову бинтовала. Когда она в очередной раз развернулась и поднесла к лицу корпию, я перехватил её руку и поднялся. Всё это было сделано в полной тишине. Она смотрела на меня снизу-вверх, и я не видел в её взгляде протеста.

В подсобке царил полумрак, отступить ей было некуда. Очень осторожно, кончиками пальцев провёл по её щеке и начал наклоняться. Она выдохнула и закрыла глаза. Поцелуй был легкий, как касание крыла бабочки. Я просто мазнул губами по приоткрытым губам, как кистью, и тут же отстранился.

– Не будем делать глупости, – когда я это говорил, то буквально на горло своим желанием наступал.

– Нет, не будем, – кивнул Маша и поднесла руки к пылающим щекам.

– Евгений Фёдорович, вы там как, живы? – раздался знакомый голос.

– Нет, я умер в диких конвульсиях, – я открыл дверь. – Мне, между прочим, одна добрая душа рану обрабатывала. А не то, что вы тут все подумали. Она проявила милосердие, в то время, как вы, наглые морды, даже не почесались, чтобы заглянуть и спросить, не нуждается ли в чём-нибудь ваш раненный граф.

Морды имели совесть и потупились. И тут я увидел, что принадлежат эти морды Кузьме и двум молодым егерям.

– Так, минутку, а вы что здесь делаете? – спросил я, осматривая каждого по очереди.

– Нас ваш дед послал в качестве охраны. Ну и мы денег в банк привезли, чтобы ваш счёт пополнить. А то в спешке вы совсем забыли про деньги. – Отрапортовал Пётр ПроРысев и покосился на своего брата-близнеца Вячеслава.

– Я вообще-то спрашиваю не про это, – на секунду задумался и решил, что новость про банк хороша ещё и тем, что я сейчас смогу, не трясясь, выписать чек Дроздову. – Я спрашиваю, как вы оказались здесь, в этом кафе?

– Так бармен вестника прислал, – ответил за всех сразу Кузя. – Он уже это делал, когда вы кутить изволите. Ну не первая же ваша стычка в этом заведении, – он даже закатил глаза.

– И чем я мотивировал данные загулы? – я потёр лоб.

– Поиском вдохновения, – тут же ответил Кузя.

– Ну, да, чем же ещё. И как я сразу не догадался. – Я бросил взгляд на бармена, который только руками развел и вернулся к прерванному занятию – полировке стаканов.

Мы же, не оглядываясь, вышли из кафе и направились домой. Хорошо хоть тут обошлось без приключений.

Глава 7

Фингал всё-таки сформировался. Хороший, сочный, закрывший глаз почти полностью.

– Красавец, – я рассматривал себя в зеркале, понимая, что одно из полей зрения выпало к хренам собачьим. Перспективы я не видел, и что я смогу нарисовать на занятии оставалось загадкой. – Нет, я знал, что, в принципе, симпатичный парень. Недаром у меня целая коллекция женских чулочков была собрана. Но сейчас просто улёт, ни одна не устоит.

Отшвырнув зеркало, принялся одеваться. Интересно, какая сволочь меня так приласкала? Я этого четвёртого не рассмотрел. Он бил сбоку, практически из-за спины того, кто десерт по морде размазывал. Вкусный, наверное, десерт был. Я его так и не попробовал. Обидно. Надо зайти в ту кафешку снова. Десерт попробовать и уже, наконец, дожидаться официантку. Ну, а пока с фингалом или без, но идти на занятия надо. Может огневик чудесным образом излечился, и я начну уже магий огня заниматься?

Сел на кровать, чтобы надеть носки, и тут ко мне запрыгнула Фыра, и принялась вылизывать рану на скуле.

– Ты меня лечишь, да? – я погладил её по голове и очень аккуратно согнал с колен. – Извини, дорогая, но мне придётся мужественно терпеть и страдать, стиснув зубы. Потому что для некоторых преподавателей единственной уважительной причиной пропустить занятие является смерть. И, что-то мне говорит, что Щепкин из этой когорты.

Когда я подходил к Академии, то столкнулся с полковником, который вчера одним блеском своей лысины разогнал зарвавшихся курсантов.

– Доброе утро, граф, – он покосился на мой синяк. – Я слышал, что вам в качестве дара от вашей прародительницы досталась прекрасная регенерация, так что, полагаю, этот неприятный эпизод скоро забудется, вместе с сошедшими с лица последствиями.

– Сомневаюсь. – Я только слегка замедлил шаг, но не останавливался и не смотрел на него. – Такое не забывается ни одной стороной конфликта.

– Да, в чём-то вы возможно и правы. Но, иногда случаются ситуации, что мальчики, которые били друг другу морды, однажды становятся лучшими друзьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.